РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

"ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ МОНГОЛОВ"

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

Ответственные редакторы
кандидаты исторических наук
Б.З. Базарова, П.Б. Коновалов

НОВОСИБИРСК
"НАУКА"
СИБИРСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА РАН
1995

уд, мангууд, тайджиут, оронор, хонхотан, арулад, сунит, хабтурхас, генигэс, хорилар, экирас и др. Как нельзя утверждать, что "Гэсэр" является памятником творчества лишь эхирит-булагатского племени или что произведения Хоца Намсараева — принадлежность лишь носителей хоринского диалекта, а не достояние всего бурятского народа, так и "Сокровенное сказание..." нет оснований считать памятником какого-нибудь одного из перечисленных выше многочисленных монгольских племен. "Сокровенное сказание..." — это историко-литературный памятник всех монгольских народов.

ЛИТЕРАТУРА

Дамдинсурэн Ц. Соёлын өвийг хамгаалъъя. — Улаанбаатар, 1959.

Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху: Тюркские, финно-угорские и монгольские языки. — М., 1969.

История Бурятии в вопросах и ответах. — Улан-Удэ, 1990. — Вып. 1.

Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.

Михайлов Г.И. Литературное наследство монголов. — М., 1969.

Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. — Улан-Удэ, 1962.

Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. — М., 1953. —Т. 1.

Санжеев Г.Д. Монгольские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. — М., 1981.

Советский энциклопедический словарь. — М., 1984.

Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. — М., 1979.

В.И. Рассадин

ТЮРКСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЯЗЫКЕ "СОКРОВЕННОГО СКАЗАНИЯ МОНГОЛОВ"

"Сокровенное сказание монголов", монгольская хроника 1240 г., занимает в ряду памятников средневековой монгольской литературы особое место. Хотя со времени его открытия прошло уже 150 лет, оно постоянно привлекало и продолжает привлекать самое пристальное внимание ученых всего мира и ему посвящено множество исследований, все же нельзя сказать, что этот памятник изучен до конца и со всех сторон. Хуже всего он исследован в лингвистическом аспекте, особенно в отношении состава лексики и ее происхождения.

"Сокровенное сказание..." — это значительный по объему текст, особая ценность которого для лингвистов состоит в том, что он освещает разнообразные стороны

жизни монгольского общества эпохи XIII в. и соответственно включает в себя слова из многочисленных семантических групп, причем слова конкретно датируемые, о которых определенно известно, что они употреблялись монголами той эпохи и были им понятны. Иначе говоря, этот памятник фиксирует огромный пласт лексики монгольского языка 750-летней давности. Поэтому для сравнительно-исторической монголистики "Сокровенное сказание..." предоставляет бесценный фактический материал. Большой интерес для изучения истории монгольских языков в этой связи имеет выявление иноязычных заимствований в составе лексики данного памятника, ибо во временном отношении язык "Сокровенного сказания..." стоит гораздо ближе к языку древних и средневековых тюрков, чем современные монгольские языки.

Даже беглого взгляда компаративиста на язык "Сокровенного сказания..." достаточно, чтобы определить, что в нем содержится довольно заметное количество тюркских элементов. При этом исключим тюркские топонимы, этнонимы и антропонимы, связанные с завоеванием монголами территорий Средней Азии, Поволжья и Северного Кавказа, населенных тюрками. Само собой разумеется, что в параграфах памятника, описывающих эти события, мы встретим тюркские названия рек (Идил[1]— Волга, ср. тюрк. Итил, Идел — Волга; Эрдиши — Иртыш), городов (Уругенчи — Ургенч, Отарар — Отрар, Букар — Бухара), названия тюркских народов и племен (карлу´ут — карлуки, канлин — канглы, кибча´ут — кипчаки, баджигид — башкиры, уйгуд — уйгуры), имена людей (Джалал эд-дин, Мелик), титулы (султан, бек, идикут) и т.д.

Для монголистики же важнее выявление тюркизмов, вошедших в ткань монгольского языка, уже в то время в нем адаптировавшихся и бытовавших на правах собственно монгольских элементов языка. Интересным в этом отношении материалом могут послужить, например, личные имена монголов той эпохи. Так, в ближайшем окружении Чингис-хана были монголы с именами Отчигин-нойан, Бельгутай, Мунлик, Алакуш-Дигиткури, Кудус-Калчан. Эти антропонимы или их составные части явно тюркского происхождения.

[1]Здесь и далее материал по языку "Сокровенного сказания..." взят из работы С.А. Козина "Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г." [1941]. Для удобства материал приведен в кириллице.

Имя Отчигин, например, состоит из тюркских слов *от*[2] ′огонь; очаг, костер′ и *тигин(тегин)* ′принц′, закономерно давшего на монгольской языковой почве фонетический рефлекс *чигин*, т.е. в оригинале было *от тигин* — ′младший принц, наследник отцовского очага′. Слово *тигин(тегин)* было обычным компонентом имен древних тюрков из правящего каганского дома (ср., например, древнетюркские имена Алп-тегин, Кюль-тегин, Йарук-тегин).

Монгольское имя Бельгутай содержит тюркское слово *бельгу* ′знак, признак, примета′ и является калькой с древнетюркского *бельгюлюг* ′приметный, заметный′.

Имя Мунлик тоже бесспорно тюркского происхождения. Об этом свидетельствует суффикс *-лик* в его составе. Только пока не совсем ясно, происходит ли оно от древнетюркского *мунг* ′страдание, горе, тягота, нужда, забота′, если учитывать форму этого имени, зафиксированную в "Сокровенном сказании..." и расшифрованную в этом виде С.А. Козиным, которую мы берем за основу, или, как считают Элдэнгтэй и Ардаджаб [1985, с. 130], это имя имеет вариант *Мэнглик* и восходит к тюркскому слову *мэнг* ′родинка, родимое пятно′, означая в таком случае ′имеющий родимое пятно′. В то же время можно предположить и монгольскую адаптацию древнетюркских *менгилиг* ′радостный, веселый; испытывающий радость′ (от др.-тюрк. *менги* ′веселье, радость; счастье′) или *менгилик* ′радость; счастье′.

Имя Алакуш-Дигиткури содержит компонент Алакуш, который, вне всякого сомнения, является тюркским словосочетанием *ала куш*, означающим ′пегая птица′. Помимо значения ′птица′ слово *куш* имеет в древнетюркском языке еще и семантику ′ловчий сокол′ и часто встречается в составе древнетюркских личных имен типа Кара-Куш.

Первый элемент монгольского имени Кудус-Калчан восходит, по нашему мнению, к древнетюркскому *кудуз (кутуз)* ′буйный, бешеный′, которое встречается в составе древнетюркских личных имен (ср., например, древнее тюркское имя Кутуз Урунгу — буквально ′буйный Урунгу′).

Но больше всего тюркских элементов наблюдается в составе личных имен у найманов и кереитов, которые, кстати, испытали и большее влияние древнетюркской

[2]Материал по древнетюркскому языку взят из "Древнетюркского словаря" [1969]. Для удобства он приведен в кириллице.

культуры, особенно через религию, — некоторые историки даже считают, что это тюркские племена. В "Сокровенном сказании..." зафиксированы, например, такие личные имена найманов и кереитов, как Алтун-Ашук (из др.-тюрк. *алтун ашук* ′золотоя лодыжка′ или *алтун ашук* ′золотой шлем′), Кучулук-хан (из др.-тюрк. *кючлюг* ′сильный, могущественный′), Йеди-Тублук (из др.-тюрк. *йеди туглук* ′семизнаменный′), Инанча-Бильгекан (из др.-тюрк. Ынанчу билге кан, ср. древнетюркские личные имена Билге-Каган, Кюл билге хан, Ынанчу билге, Ынанчу чур; здесь *ынанчу* — от др.-тюрк. *ынанч* ′вера, доверие; доверенный′ — употребляется и как титул, восходит к др.-тюрк. *ынан-* ′верить, доверять′; *билге* — это др.-тюрк. *билге* ′мудрый′ — от др.-тюрк. *бил-* ′знать; уметь′), Сангум (из др.-тюрк. *сангун* — воинский титул), Элькутур (здесь два древнетюркских слова: *эль* и *кутур*, при этом *эль* ′племенной союз, народ′ часто встречается в составе древнетюркских личных имен, ср., например, Эль Буга, Эль Тэмюр, Эль Чур, а *кутур* является фонетическим вариантом др.-тюрк. *кутуз* и тоже означает ′буйный, бешеный′), Гучугудун-Буйрук-кан, Буйрук-кан, Курча-кус-Буйрук-кан (здесь компонент Буйрук восходит к др.-тюрк. *буйрук, буйурук* ′приказной′, употребляющемуся также и как титул, название должности; от др.-тюрк. *буйур-* ′приказывать′) и др.

Таким образом, исторический и этимологический анализ монгольских личных имен, зафиксированных в тексте "Сокровенного сказания...", представляет большой научный интерес и мог бы составить тему самостоятельного монографического исследования.

Далее, для сравнительно-исторической монголистики не менее интересен и важен факт наличия в языке памятника слов общемонгольского характера, имеющих параллели в тюркских языках и являющихся в то же время общетюркскими. Слова этого типа обычно составляют объект исследования алтаистов. Таких слов в тексте "Сокровенного сказания..." встречается множество. Во всяком случае, нами выявлено свыше 600. Сюда можно отнести, например, такие слова, как *арча* ′туя, кипарис′ (ср. тюрк. *артуч, артыз* ′можжевельник′), *арганджи, аргамджи* ′пеньковая веревка, аркан′ (ср. тюрк. *аркан*), *ингирчак* ′однорядное седло′ (ср. тюрк. *ынгыр, ынгырчак* ′вьючное седло′), *омору* ′верхняя часть груди′ (ср. тюрк. *омуз* в том же значении), *катун* ′ханша′ (ср. тюрк. *катун* в том же значении), *кадара* ′хариус′ (ср. сибирское тюркское *кадыргы* в том же значении), *карган, карагана* ′густая трава′ (ср. тюрк. *караган* ′степная

акация, карагана'), *кана-* 'кровоточить' (ср. тюрк. *кана* в том же значении от тюрк. *кан* 'кровь'), *боко* 'силач' (ср. тюрк. *бёге* 'герой; силач'), *сал* 'плот' (ср. тюрк. *сал* в том же значении), *таолай* 'заяц' (ср. тюрк. *табышкан* в том же значении), *джорику* 'направляться; указывать, утверждать, присуждать' (ср. тюрк. *йоры-* 'идти, ходить, передвигаться') и т.п. При этом исследования алтаистов, проведенные в последнее время, убедительно показали, что многие из подобных слов являются заимствованиями из древних тюркских языков, например *кутук* 'счастливый дух' — от тюрк. *кут* 'счастье; душа, жизненная сила, дух', *кудурга* 'подхвостная шлея' у седла' — от тюрк. *кудурук* 'хвост' и т.п.

Следует отметить, что в ряде случаев такие общемонгольские тюркизмы в "Сокровенном сказании..." еще сохраняют значения, более близкие к исходным, чем соответствующие слова в современных монгольских языках. Ср., например, общемонг. *зарим* 'некоторые' — в "Сокровенном сказании..." *джарим* 'половина' из тюрк. *йарым* 'половина' (от тюрк. *йар-* 'разделять, раскалывать'); общемонг. *инаг, янаг* 'любимый; любовь' — "Сокровенном сказании..." *инак* 'верный', что хорошо объясняется тюркскими *ына-, ынан-* 'верить, доверять', *ынанч* 'вера, доверие'.

Наличие подобных общемонгольских слов в языке "Сокровенного сказания..." свидетельствует о том, что эти слова, в XIII в. уже вошедшие в плоть и кровь монгольского языка, ставшие широко употребительными и обычными для общего разговорного языка монголов той эпохи, адаптированы монгольским языком за много веков до "Сокровенного сказания...", и мы смело можем предполагать их наличие в этом языке уже в I тыс. н.э., в эпоху, когда в степях Центральной Азии владычествовали древние тюрки.

Сравнительно-исторический анализ лексики "Сокровенного сказания..." позволил выявить в языке этого памятника, кроме того, множество специфических слов, тюркское происхождение которых не вызывает сомнения. Наиболее убедительными примерами могут послужить следующие слова:

алашас 'кони' (§ 273: ...алашас сэусэс-и ано даоулиджу... "набрав... коней и прислуги") — от тюрк. *алаша* 'мерин; кляча; лошадь'. О тюркском происхождении монгольского *алашас* см. у Э.В. Севортяна [1974, с. 137];

ал 'красный, алый' (§ 238: ал дээл... "багряница") — от тюрк. *ал* 'алый, светло-красный'. В современных монгольских языках это слово известно лишь в сочетаниях типа бур. (устар.) *ал шара* 'красно-желтый', х.-монг., калм. *ал улаан* 'ярко-красный'. О бытовании корня *ал* в тюркских языках и о его монгольских соответствиях см. у Э.В. Севортяна [Там же, с. 125, 126];

алгинчи(н) 'передовой дозор, дозорный, соглядатай, проводник, головной пикет' (§ 37, 38, 123, 273, 281) — от тюрк. *ал* 'перед, передняя часть; лоб'. О связи монгольского *алгинчи* с тюркским *ал* см. у Э.В. Севортяна [Там же, с. 124];

алачук 'палатка, шатер, шалаш' (§ 118: ...адуучин бидан-о алачук-а гуртугай! "...для табунщиков наших шалаш готов!") — от тюркского. Ср. др.-тюрк. *алачу* 'шатер'. В других тюркских языках представлены формы *алажык, алачык, алачук* 'шалаш, шатер; лачуга, домишко, хижина". Об этом тюркском слове см. у Э.В. Севортяна [Там же, с. 130—132];

оорчак, оурчак 'разбойник, вор' (§ 156, 200, 214) — от тюркского. Ср. др.-тюрк. *огры* 'вор, грабитель', *огурла-* 'воровать, грабить'. В других тюркских языках — *огры, огру, огур, уврy, ууру, уры* 'вор, разбойник'. О тюркском слове см. у Э.В. Севортяна [Там же, с. 412—414];

олук йасун 'мертвые кости' (§ 201) — от тюркского. Ср. др.-тюрк. *ӧлӱк* 'мертвый' от др.-тюрк. *ӧл-* 'умирать'. О тюркском слове см.у Э.В. Севортяна [Там же, с. 525—527];

орок шинкула 'белый с черной спиной конь' (§ 24, 206). Имеет компонент *орок*, который можно возвести к др.-тюрк. *орук* 'дорога, путь'. В современных тюркских языках слово *орук, орок* 'дорога' имеет, как и лексема *йол*, еще и значение 'полоса' (обычно темная на светлом фоне). Таким образом, тюркизм хорошо объясняет значение выражения *орок шинкула* как 'белый конь с черной полосой на спине';

утураку 'идти впереди всех' (§ 123) — от др.-тюрк. *утуру, утру, утра* 'напротив, навстречу'. Ср. др.-тюрк. *утрын-, утрун-* 'противиться, противодействовать'. Об этом тюркском слове см. у Э.В. Севортяна [Там же, с. 610, 611];

учумак — название типа стрелы (§ 174, 208). Может быть, происходит от тюрк. *уч-* 'летать', лететь'. Об этом тюркском слове см. у Э.В. Севортяна [Там же, с. 612, 613];

карши 'дворец' (§ 267: ноууку карши "походный дворец") — от др.-тюрк. *каршы* 'дворец';

коастан оким 'прекрасные девицы' (§ 241) — от тюркского. Ср. тув. *каас* 'нарядный', хакас. *хоос* 'рисунок, узор', чул.-тюрк. *коос, куас* 'красивый', тоф. *каас* 'рисунок, узор; украшение', *каастыг* 'нарядный, красивый; разукрашенный';

кош 'жилище, дом' (§ 169), *кошилик* 'палатка, запасная юрта' (§ 245) — от тюркского. Ср. кирг. *кош* 'запасная юрта; кочевой лагерь', туркм. *гош* 'полевой стан', чагат. *кош* 'кочевой лагерь', др.-тюрк. *кош* 'запасной'. Из современных монгольских языков это слово представлено в калмыцком, где оно существует в форме *хош*, имеет значение 'временная стоянка; полевой стан; табор', а также 'вторая юрта (при главной)'. Калмыцкое *хош* с тюркскими лексемами сравнивал Г.И. Рамстедт [Ramstedt, 1935, S. 189]. Об этом слове в тюркских языках см. у М. Рясянена [Räsänen, 1969, S. 283];

тэрмэ 'праздничный шатер' (§ 184) — от тюркского. Ср. башк. *тирмэ*, ног. *терме уьй*, тув. *тербе өг* 'войлочная юрта', кирг., каз. *терме*, узб. *терма* 'сборный'. В основе всех этих слов лежит тюркское *тер-* 'собирать'. Калмыцкий термин *терм* 'стенная решетка кибитки' восходит к тюрк. *терме*, образованному от тюрк. *тер-*, о чем см. у Г.И. Рамстедта [Ramstedt, 1935, S. 393];

монг 'огорчение' (§ 90) — от др.-тюрк. *мунг* 'страдание, горе, тягота, нужда, забота';

чака "дитя" (§ 68) — от тюркского. Ср. тур. *чака*, башк. *сага*, тат. *чага*, кирг. *чака*, каз. *шага* 'ребенок', х.-монг. *цах* 'младенец'.

Следует отметить, что Элдэнгтэй и Ардаджаб из рассмотренных нами выше 15 слов только шесть (*алачук, кош, олук, монг, тэрмэ, чака*) считают тюркскими по происхождению. Остальные девять, по мнению этих авторов, имеют иное происхождение, с чем можно спорить. Но это отдельная тема, для нас же здесь важно установление самого факта наличия в языке "Сокровенного сказания монголов" специфических слов тюркского происхождения. Каково их количество — это вопрос дальнейших изысканий. Было бы весьма важным продолжить выявление тюркизмов в языке данного памятника, как и вообще всестороннее исследование его лексики.

ЛИТЕРАТУРА

Древнетюркский словарь. — Л., 1969.

Козин С.А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. — М.;Л., 1941. — Т. 1.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. — М., 1974.

Элдэнгтэй, Ардаджаб. Монгтул-ун нигуча тобчийан: Сэйирэгүлүл тайлбури. — Көкехота, 1985.

Ramstedt G.J. Kalmückisches Wörterbuch. — Helsinki, 1935.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. — Helsinki, 1969.

Д.Л. Шагдарова

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ "СОКРОВЕННОГО СКАЗАНИЯ МОНГОЛОВ" В ПЕРЕВОДЕ НА БУРЯТСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ

Как известно, фразеологической единицей, или фразеологизмом, называется "лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы" [Розенталь, Теленкова, 1985, с. 377]. По степени семантической слитности выделяют три основных вида фразеологизмов:

фразеологические сращения, или идиомы. Они характеризуются наибольшей семантической спаянностью. Целостное их значение, как правило, не выводится из значений составляющих их слов. В бурятском языке к фразеологическим сращениям можно отнести, например, *һүүл гэрээшээ гүйхэ* (или *ошохо*) 'задавать стрекача, бежать без оглядки', *улхархайгаа бусалгаха* 'спать', *зөөлэн бүхэдэ диилдэхэ* 'уснуть', *соохор мори хатаргаха* 'играть в карты', *үнэгэнэй нюдэ залгиха* 'полуночничать, не смыкая глаз' и т.п.;

фразеологические единства. В них целостное значение, обычно также образное, в той или иной степени мотивировано отдельными значениями составляющих их слов. Например: *үнэһэн тоборог болгохо* 'стереть в порошок', *хамараа сохюулха* 'получить отпор', *үнэгэнэй харанхы* 'самая темная пора перед рассветом' и т.п.;

фразеологические сочетания. В них целостное значение вытекает из значения отдельных слов. Например: *шоһын зуурама хүйтэн* 'собачий холод', *арһа мяхыень хуулаха* 'бить; сдирать шкуру' и т.п.

Некоторым фразеологическим единицам присущ еще такой признак, как эквивалентность отдельному слову. Например, фразеологический оборот *зүрхээ амаараа гаран алдаха* (букв. 'сердцу чуть не выйти через рот') эквивалентно слову *айха* 'испугаться', *зөөлэн бүхэдэ диилдэхэ* равнозначно слову *унтаха* 'спать'. Некоторые фразеологизмы характеризуются таким признаком, как